

ИНФЛЯЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРИЧИНЫ УСКОРЕНИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ СДЕРЖИВАНИЯ

Яковенко Д. А.¹

Аннотация: В статье исследуется природа инфляционных процессов в российской экономике в 2023 году. По итогам года инфляция составила 7,4% (ИПЦ - 107,4%), что почти вдвое превысило целевой ориентир Банка России (вблизи 4%). При этом внутри года траектория ценового давления была далеко не равномерной: первое полугодие характеризовалось относительным замедлением, тогда как со второй половины года инфляционное давление резко усилилось, что вынудило Банк России поднять ключевую ставку с 7,5% до 16% годовых в течение пяти месяцев. В статье обосновывается тезис о том, что инфляция 2023 года имела смешанную природу и не может быть объяснена ни исключительно монетарными факторами, ни исключительно курсовой динамикой. Основным источником ценового давления стал разрыв между ускоренным восстановлением совокупного спроса - подпитывавшегося бюджетным импульсом, ростом государственного заказа и восстановлением доходов населения - и ограниченными возможностями предложения, зажатого кадровым дефицитом, санкционной перестройкой логистики, ростом себестоимости и технологическими ограничениями. Ослабление рубля в 2023 году действовало как дополнительный мультипликатор издержек, распространяясь даже на отечественные производства через импортные компоненты и оборудование. Повышение ключевой ставки стало адекватным ответом на устойчивость инфляционного давления, однако инструменты денежно-кредитной политики воздействуют преимущественно на сторону спроса и не устраняют структурных ограничений предложения. Делается вывод о том, что устойчивое замедление инфляции возможно только при одновременном расширении производственных мощностей, снижении логистических издержек, повышении производительности труда и аккуратной бюджетной политике.

Ключевые слова: инфляция, инфляция издержек, инфляция спроса, ключевая ставка, Банк России, денежно-кредитная политика, рынок труда, бюджетный импульс, санкционное давление, ослабление рубля, инфляционные ожидания, структурные ограничения

Для цитирования: Яковенко Д. А. Инфляционные процессы в российской экономике: причины ускорения и инструменты сдерживания // Московский вестник экономических наук. №4 (2023). С. 13-23.

INFLATIONARY PROCESSES IN THE RUSSIAN ECONOMY: DRIVERS OF INFLATION ACCELERATION AND POLICY INSTRUMENTS FOR ITS CONTAINMENT

Yakovenko D. A.¹

Abstract: The article examines the nature of inflationary processes in the Russian economy in 2023. By year-end, inflation reached 7.4% (CPI - 107.4%), nearly twice the Bank of Russia's target of approximately 4%. However, the trajectory of price pressure was far from uniform throughout the year: the first half was characterized by relative deceleration, while the second half saw a sharp intensification of inflationary pressure, forcing the Bank of Russia to raise the key rate from 7.5% to 16% per annum over the course of five months. The article argues that inflation in 2023 had a mixed nature and cannot be explained solely by monetary factors or exchange rate dynamics. The primary source of price pressure was the gap between the accelerated recovery of aggregate demand - fueled by the fiscal impulse, growth in state orders, and the recovery of household incomes - and the limited capacity of supply, constrained by labor shortages, sanctions-driven logistics restructuring, rising costs, and technological limitations. The depreciation of the ruble in 2023 acted as an additional cost multiplier, extending its effects even to domestic producers through imported components and equipment. The increase in the key rate was an adequate response to the persistence of inflationary pressure; however, monetary policy instruments primarily affect the demand side and do not eliminate structural supply-side constraints. The conclusion is drawn that a sustained deceleration of inflation is only possible with the simultaneous expansion of productive capacity, reduction of logistics costs, improvement of labor productivity, and prudent fiscal policy.

Keywords: *inflation, cost-push inflation, demand-pull inflation, key rate, Bank of Russia, monetary policy, labor market, fiscal impulse, sanctions pressure, ruble depreciation, inflation expectations, structural constraints*

<

ВВЕДЕНИЕ

Инфляция 2023 года в России неудобна для простого объяснения. По годовой цифре она выглядела спокойнее, чем в 2022 году, - 7,4% против почти 12%. Но если смотреть только на этот годовой показатель, часть проблемы теряется. Внутри 2023 года ценовое давление не исчезло, а к лету превратилось в достаточно серьёзный вызов: Банк России начал цикл резкого ужесточения денежно-кредитной политики, подняв ключевую ставку с 7,5% до 16% всего за несколько заседаний во второй половине года. Это было не рутинной подстройкой - это была вынужденная реакция на устойчивость инфляционного давления, которое оказалось сильнее, чем ожидалось в начале года.

Итоговые 7,4% сами по себе не объясняют ситуацию. Они ниже, чем в 2022 году, но почти вдвое выше целевого ориентира Банка России. Поэтому проблема была не в разовом отклонении, а в устойчивости ценового давления - в том, что инфляция не хотела возвращаться к цели даже на фоне общей стабилизации экономики.

Перевышин и Трунин ещё в начале 2023 г. обращали внимание на то, что низкая текущая годовая инфляция не означает исчезновения инфляционного давления: в январе 2023 года аннуализированная инфляция с устранением сезонности составляла уже 6,1% при годовом показателе 11,7% - то есть инерция предыдущего года маскировала нарастающее текущее давление [1]. Уже тогда авторы предупреждали, что закрытие отрицательного разрыва выпуска за счёт восстановления спроса и роста государственных расходов потребует от регулятора решительных действий [1].

Сложность ситуации состояла ещё и в том, что природа инфляции не была однородной. Обычные классификации - «инфляция спроса» или «инфляция издержек» - здесь работают лишь частично. В 2023 году оба механизма действовали одновременно и усиливали друг друга. Спрос восстанавливался быстрее, чем предполагалось в начале года, получая поддержку от государственных расходов, оборонного заказа и роста доходов занятых в отдельных секторах. Одновременно предложение было стянуто со всех сторон: кадровым дефицитом, усложнившейся логистикой, выросшей себестоимостью импортных компонентов и инфраструктурными переменными, требовавшими времени на адаптацию. Ослабление рубля в середине года добавило ещё один импульс - через рост издержек предприятий, зависящих от импортного оборудования, комплектующих и упаковки.

Широв, Моисеев и Гусев, анализируя механизмы формирования ценовой динамики в России, указывали, что в условиях высокой зависимости от импорта курсовая составляющая неизбежно транслируется во внутренние цены - причём

не только через потребительский импорт, но и через производственные затраты отечественных предприятий [2]. Этот механизм полностью проявил себя в 2023 году.

Цель настоящей статьи - определить причины ускорения инфляционных процессов в российской экономике в 2023 году и оценить, какие инструменты могли сдерживать инфляцию в условиях, когда её источники находились не только на стороне спроса, но и на стороне предложения. Отдельный вопрос, который представляется принципиальным: насколько повышение ключевой ставки было достаточным ответом на проблему, корни которой уходят в структурные диспропорции - и что происходит, когда монетарный инструмент сталкивается с немонетарными по природе ограничениями.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе не строится эконометрическая модель. Для данной темы это сознательное ограничение: инфляция 2023 года складывалась из нескольких пересекающихся процессов, и сведение её к единой регрессионной зависимости дало бы слишком узкое объяснение, которое могло бы хорошо описывать один канал передачи, игнорируя остальные.

Статистическую основу исследования составляют данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) - прежде всего данные по индексам потребительских цен в ежемесячной разбивке, данные по динамике реальных заработных плат и занятости, - а также материалы Банка России: доклады о денежно-кредитной политике, публикации по инфляционным ожиданиям населения и бизнеса, пресс-релизы по итогам заседаний Совета директоров за 2023 год.

Научную базу исследования составляют статьи, опубликованные на платформах CyberLeninka и eLIBRARY.RU. Среди них особо выделяются работы Перевышина и Трунина [1, 3], посвящённые текущей динамике денежно-кредитной политики и инфляции в 2023 году: авторы проводят детальный ежемесячный и квартальный анализ инфляционных процессов, включая декомпозицию по источникам ценового давления. Работа Широва, Моисеева и Гусева [2] ценна тем, что рассматривает формирование ценовой динамики через призму взаимодействия глобальных и внутренних факторов - в том числе зависимости отечественного производства от импорта. Исследование Ильяшенко и Куклиной [4] обеспечивает теоретическую рамку для интерпретации российской инфляции с учётом её структурных особенностей, выраженных в сочетании разных инфляционных механизмов. Для понимания роли инфляционных ожиданий и их связи с фактической динамикой цен использованы материалы Банка России [10] и соответствующие аналитические работы [5].

Основной метод - причинно-следственный анализ: выявление цепочек передачи от одного фактора к другому без попытки изолировать их друг от друга в рамках формальной модели. Дополнительный подход - сопоставление 2022 и 2023 годов, позволяющее разграничить инерционные и новые инфляционные импульсы. Отдельно учитывается лаг денежно-кредитной политики - факт, имею-

щий принципиальное значение для оценки действий Банка России: повышение ключевой ставки воздействует на инфляцию не немедленно, а через несколько кварталов, что означает, что ужесточение второй половины 2023 года в полной мере должно было проявиться лишь в 2024 году.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Чтобы понять инфляцию 2023 года, нужно начать не с цифр за декабрь, а с того, в каком состоянии российская экономика вошла в этот год. К началу 2023-го острый шок 2022 года - с мартовским скачком курса, разрывом привычных цепочек поставок, резким падением импорта - был уже позади. Экономика не восстановилась в полном смысле слова, но адаптировалась: нашла новые маршруты, новых поставщиков, начала перестраивать производственные связи. И вот в этой адаптации скрывался инфляционный потенциал, который не был очевиден на первый взгляд.

Параллельный импорт, переориентация на поставщиков из Азии и Ближнего Востока, более длинные транспортные маршруты, расчёты в нестандартных валютах, рост складских запасов как страховка от срывов поставок - всё это работало. Предприятия сохраняли выпуск. Но при этом новая хозяйственная модель была объективно дороже старой. Логистическое плечо удлинилось, количество посредников выросло, стоимость транзакций увеличилась. Адаптация помогала сохранить выпуск, но не всегда снижала цену этого выпуска.

Именно это и создавало структурный инфляционный фон. Предприятия работали в условиях более высокой операционной себестоимости, чем до 2022 года, - и по мере восстановления спроса начинали переносить этот рост затрат в конечные цены. Ильяшенко и Куклина в своих работах по особенностям российской инфляции указывали, что российская экономика исторически отличается высокой долей инфляции издержек относительно инфляции спроса - в силу монополизации ряда рынков, высокой зависимости от импорта промежуточных товаров и слабой конкуренции в отдельных сегментах [4]. В 2023 году этот структурный паттерн был усилен форсмажорными обстоятельствами.

Здесь есть важная оговорка: сам по себе рост себестоимости не обязательно означает рост потребительских цен - если спрос слаб, предприятие вынуждено поглощать часть издержек. Но в 2023 году спрос как раз оказался достаточно устойчивым, чтобы предприятия могли переносить выросшие затраты в цены без существенной потери объёмов продаж. Это и стало ключевым: возможность переноса затрат в цены определялась не только ростом издержек, но и состоянием спроса.

Восстановление совокупного спроса в 2023 году шло заметно быстрее, чем предполагалось в начале года. В своём февральском анализе Перевышин и Трунин отмечали, что Банк России уже тогда повысил прогноз по потреблению домохозяйств, ожидая его перехода в положительную зону [1]. В реальности восстановление оказалось ещё интенсивнее.

Главным двигателем спроса стал государственный сектор. Расходы федерального бюджета в 2023 году оставались на высоком уровне, поддерживая активность в смежных отраслях. Оборонный заказ формировал устойчивый спрос на широкий круг товаров - от металла и электроники до транспортных услуг и специализированного питания. Инфраструктурные проекты, развернувшиеся в том числе в связи с логистической переориентацией на восточное и южное направления, вовлекали в активность строительный сектор, производство строительных материалов, транспорт. Программы импортозамещения стимулировали инвестиции в ряде промышленных сегментов.

Государственный спрос в 2023 году нельзя оценивать однозначно. Он поддерживал производство и занятость, удерживал экономику от рецессии, формировал деловую активность. Но при ограниченном предложении одновременно усиливал конкуренцию за ресурсы - рабочую силу, производственные мощности, материалы, транспортные услуги. И в этой конкуренции за ресурсы часть бюджетного импульса неизбежно уходила не в рост выпуска, а в рост цен.

К этому добавлялось восстановление потребительского спроса. Реальные заработные платы в ряде секторов росли - прежде всего в тех, которые были непосредственно связаны с государственным заказом или испытывали острый дефицит кадров. Доходы части домохозяйств увеличились. Потребительское кредитование в начале года оставалось достаточно доступным при ставке 7,5%. Всё это создавало дополнительный спрос на потребительском рынке.

Перевышин и Трунин анализировали это противоречие в более широком контексте: закрытие отрицательного разрыва выпуска происходило одновременно с обеих сторон - как за счёт роста спроса, так и за счёт сжатия предложения, и оба процесса вели к инфляционному давлению [1]. Это важное наблюдение: проблема была не только в том, что спрос рос, но и в том, что предложение не могло пропорционально ему расширяться.

Это объяснение кажется убедительным только на первый взгляд: «рубль ослаб - импорт подорожал - цены выросли». Реальная цепочка была значительно длиннее и охватывала не только потребительский импорт.

Летом 2023 года рубль ослаб весьма существенно - курс доллара перевалил за 90–100 рублей, тогда как в начале года он держался в районе 70 рублей. Прямой эффект - удорожание конечных импортных товаров - был лишь первым звеном. Гораздо менее заметный, но экономически более важный эффект шёл через производственные затраты.

Широв, Моисеев и Гусев, анализируя механизмы ценовой динамики, подчёркивали глубокую интегрированность российского производства в глобальные цепочки стоимости через промежуточный импорт [2]. Большинство отечественных предприятий - даже тех, что производят «российские» товары, - зависят от импортных компонентов: оборудования, запасных частей, электронных компонентов, химического сырья, упаковки, программного обеспечения. Ослабление рубля делало всё это дороже в рублёвом выражении. Выросшая себестоимость, в свою

очередь, становилась основанием для пересмотра контрактных цен - и через этот канал распространялась вверх по цепочке добавленной стоимости, в конечном счёте достигая розничных цен.

Эта связь не была прямой, но она работала через себестоимость, и работала с временным лагом: предприятия сначала поглощали рост затрат, затем пересматривали договоры с поставщиками и покупателями, и лишь потом изменение цен фиксировалось в статистике. Именно поэтому ослабление рубля летом 2023 года в полной мере отразилось в инфляционных данных осенью и в конце года.

Ещё один важный момент: импортная составляющая в 2023 году стала дороже не только из-за курса, но и из-за изменения структуры поставок. Параллельный импорт предполагает дополнительные посреднические наценки. Альтернативные маршруты через третьи страны удлиняют транспортное плечо. Расчёты в нестандартных валютах несут дополнительные конверсионные риски. Всё это закладывается в цены контрактов - и затем в цены для конечного потребителя.

К середине 2023 года рынок труда стал одним из ключевых источников инфляционного давления. Безработица в России опустилась до рекордно низких значений - ниже 3,5% по методологии МОТ. Объяснение состояло в совокупности демографических и ситуативных факторов: оборонный сектор поглощал значительное количество работников, часть трудоспособного населения эмигрировала или была выведена из активного рынка труда, демографическая волна 1990-х годов сокращала предложение в возрастной когорте 30–40 лет.

Дефицит рабочей силы запустил конкурентную гонку работодателей за работников. Предприятия повышали зарплаты - иначе сохранить или привлечь персонал было просто невозможно. Рост заработных плат, с одной стороны, поддерживал потребительский спрос (работники тратили больше), с другой - увеличивал операционные расходы предприятий.

В тех случаях, когда рост заработной платы опережал рост производительности труда - а именно это и происходило в ряде трудоёмких отраслей, - дополнительные затраты на единицу продукции либо сжимали маржу предприятия, либо переходили в цену. При устойчивом спросе предприятия предпочитали второй вариант. В результате рынок труда превратился в один из каналов раскрутки инфляции - не через монетарный механизм, а через реальную экономику.

Здесь прослеживается классическая спираль: дефицит кадров → рост зарплат → рост доходов → рост потребительского спроса → рост цен → требование работников о дальнейшем повышении зарплат. Полного развёртывания этой спирали в 2023 году, по всей видимости, удалось избежать во многом благодаря действиям Банка России, но её начало было вполне отчётливым.

Первое полугодие 2023 года Банк России провёл при ставке 7,5% - той же, что была установлена ещё в сентябре 2022-го. В начале года это казалось обоснованным: годовая инфляция продолжала снижаться за счёт статистической базы 2022 года, потребительский спрос восстанавливался плавно, риски рецессии ещё не были окончательно сняты.

Перелом произошёл летом. В июле 2023 года Банк России впервые поднял ставку - сразу на 100 базисных пунктов, до 8,5%. Дальше ужесточение шло нарастающим темпом: август - 12%, сентябрь - 13%, октябрь - 15%, декабрь - 16%. Такой скорости повышения ставки не наблюдалось даже в острые кризисные периоды последних лет - за исключением экстренного решения февраля 2022 года.

Что изменилось? В июле-августе совпали несколько факторов: ослабление рубля усилилось, текущая инфляция с устранением сезонности показала ускорение, инфляционные ожидания населения начали расти. Перевышин и Трунин в своём октябрьском обзоре зафиксировали, что к октябрю 2023 года аннуализированная инфляция с устранением сезонности составляла около 9,7% - при годовом показателе лишь 6,7% [3]. Это расхождение показывало: годовой показатель всё ещё выглядел сравнительно умеренным по инерции прошлого года, но текущее ценовое давление было значительно интенсивнее.

Реализовавшиеся инфляционные риски потребовали резкого ужесточения денежно-кредитной политики. Банк России последовательно повышал ставку на протяжении пяти заседаний подряд [6]. Логика регулятора была понятной: охладить кредитную активность, повысить привлекательность сбережений в рублях, снизить потребительский и инвестиционный спрос, ограничить давление на курс и тем самым смягчить импортированную составляющую инфляции.

Вместе с тем необходимо отдавать себе отчёт в природе этого инструмента. Ключевая ставка воздействует на спрос через подорожание кредита, но она не строит новые логистические маршруты, не создаёт работников и не заменяет импортное оборудование отечественным. Поэтому ставка была необходима, но её одной было недостаточно. Структурные причины инфляции - дефицит кадров, удорожание логистики, рост себестоимости из-за перестройки импортных цепочек - оставались вне зоны досягаемости денежно-кредитной политики.

Кроме того, действие ключевой ставки на инфляцию происходит с лагом. Повышение ставки с июля по декабрь 2023 года, по существу, должно было в полной мере проявиться в охлаждении спроса лишь в первой половине 2024 года. По итогам 2023 года ставка успела оказать лишь частичный дезинфляционный эффект - через охлаждение ожиданий и частичное замедление кредита.

Отдельно заслуживает внимания вопрос инфляционных ожиданий. Банк России, помимо изменений ставки, активно использовал коммуникацию как инструмент политики: жёсткие сигналы по итогам каждого заседания, обновлённые прогнозы, пресс-конференции. Это работало на снижение ожиданий бизнеса и населения, но лишь до тех пор, пока фактические данные о ценах подтверждали намерение регулятора [5]. Как только инфляция начинала ускоряться вопреки обещаниям, доверие к ориентиру в 4% размывалось.

Инструменты сдерживания инфляции в ситуации 2023 года естественным образом разделяются на две категории - денежно-кредитные и структурные, - и эта классификация здесь не формальная, а содержательная: первые работают на сторону спроса, вторые - на сторону предложения.

Среди денежно-кредитных инструментов центральным стала ключевая ставка. Её повышение с 7,5% до 16% за полгода - это агрессивное ужесточение, которое должно было замедлить кредитование, повысить стоимость заёмных ресурсов для бизнеса и домохозяйств, а также укрепить рубль через привлекательность рублёвых активов. В той мере, в которой инфляция питалась спросом - потребительским кредитом, авансированием покупок, ипотекой - этот механизм работал. Управление инфляционными ожиданиями через коммуникацию Банка России добавляло к монетарному механизму нефинансовое измерение: когда предприятия и домохозяйства верят, что регулятор снизит инфляцию, они закладывают в свои ценовые и зарплатные решения меньший будущий рост цен, что само по себе снижает инфляцию [10].

Но всё это относится к стороне спроса. Проблема состояла в том, что значительная часть инфляционного давления 2023 года шла с другой стороны - со стороны предложения и издержек. Здесь нужны иные инструменты.

Расширение внутреннего производства в отраслях, где образовались дефициты, могло бы напрямую снизить инфляционное давление - не через охлаждение спроса, а через насыщение рынка. Снижение логистических издержек за счёт инфраструктурных инвестиций, регуляторного упрощения транзитных маршрутов и развития портовых мощностей на востоке и юге страны ударило бы по себестоимости по всей цепочке. Поддержка конкуренции в сегментах с монопольным или олигопольным ценообразованием ограничила бы возможности предприятий переносить в цены не только реальный рост затрат, но и маргинальное расширение. Повышение производительности труда - задача долгосрочная, но именно она устраняет инфляционный компонент, связанный с тем, что зарплаты растут быстрее выпуска.

Наконец, аккуратная бюджетная политика - точнее, контроль за тем, чтобы бюджетный импульс концентрировался в тех секторах, где он ведёт к реальному расширению предложения, а не просто к борьбе за ограниченные ресурсы, - могла бы сделать государственный спрос менее инфляционным. Это не означает сокращения расходов, но предполагает их структурирование с учётом производственных возможностей экономики.

Ставка может выиграть время, но устойчивое снижение инфляции зависит от того, расширяется ли предложение. Если при жёстких денежно-кредитных условиях предложение продолжает сталкиваться с теми же структурными ограничениями - дефицитом кадров, дорогостоящей логистикой, зависимостью от импортных компонентов, - инфляция будет возвращаться, как только спрос снова начнёт восстанавливаться.

ВЫВОДЫ

Инфляция 2023 года в России имела смешанную природу. Её нельзя свести к одному источнику - ни к курсу рубля, ни к росту денежной массы, ни к государственным расходам, взятым отдельно. Это было взаимодействие нескольких процессов, каждый из которых усиливал другой.

Главным источником ценового давления стал разрыв между восстановившимся совокупным спросом и ограниченным предложением. Спрос поддерживался бюджетными расходами, государственным заказом, восстановлением потребления домохозяйств и ростом доходов в ряде секторов. Предложение сталкивалось с кадровым дефицитом, удорожанием импортных компонентов и логистики, технологическими ограничениями и выросшей себестоимостью, унаследованной от санкционной адаптации 2022 года.

Ослабление рубля в 2023 году действовало как мультипликатор издержек - не столько через прямое удорожание конечного импорта, сколько через рост производственных затрат широкого круга отечественных предприятий, зависящих от импортных компонентов, оборудования и программного обеспечения.

Рынок труда в 2023 году вплотную подошёл к тому, чтобы стать самостоятельным инфляционным фактором: дефицит рабочей силы толкал зарплаты вверх, зарплаты поддерживали спрос, а рост операционных затрат предприятий переходил в цены при устойчивом спросе.

Повышение ключевой ставки с 7,5% до 16% годовых было логичным и обоснованным ответом Банка России на устойчивость инфляционного давления. Это решение ограничивало кредитную активность, сдерживало часть потребительского и инвестиционного спроса и работало на управление инфляционными ожиданиями. Однако в силу лага денежно-кредитной политики его полный дезинфляционный эффект был отнесён на 2024 год, а не 2023-й.

Структурная сторона проблемы ставкой не решается. Если предложение не расширяется - из-за дефицита кадров, высоких логистических издержек, технологических ограничений, неразвитой конкуренции, - инфляция будет возвращаться при каждом восстановлении спроса, даже при жёсткой денежно-кредитной политике.

Итог 2023 года показывает: инфляцию удалось сдерживать, но не удалось снять её структурную основу. Пока спрос восстанавливается быстрее, чем предложение, ценовое давление будет оставаться устойчивым даже при жёсткой денежно-кредитной политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перевышин Ю. Н., Трунин П. В. Денежно-кредитная политика и инфляция в начале 2023 г. // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 3. С. 8–13.
2. Широ А. А., Моисеев А. К., Гусев М. С. Формирование ценовой динамики в России на фоне ускорения глобальной инфляции // ЭКО. 2022. Т. 52. № 4. С. 94–112.
3. Перевышин Ю. Н., Трунин П. В. Ускорение инфляции потребует высокой ключевой ставки в 2023–2024 гг. // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 12. С. 5–11.
4. Ильяшенко В. В., Куклина Л. Н. Инфляция в современной России: теоретические основы, особенности проявления и региональный аспект // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 2. С. 431–444.
5. Оценка инфляционных ожиданий населения России на основе поисковых запросов в сети Интернет: подход «сверху-вниз» // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 57–76.
6. Перевышин Ю. Н., Трунин П. В. Реализовавшиеся инфляционные риски привели к значительному повышению ключевой ставки // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 11. С. 4–9.
7. Широ А. А. Российская экономика: изменение факторов роста // Проблемы прогнозирования. 2025. № 6. С. 3–18.

8. Широ́в А. А., Моисеев А. К. Возможности и ограничения развития российской экономики в условиях активных бюджетных расходов // ЭКО. 2024. Т. 54. № 2. С. 8–27.
9. Особенности инфляционных процессов в российской экономике в 2023 году // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 3. С. 112–120.
10. Банк России. Инфляционные ожидания: методика исследования и результаты наблюдений. М.: Банк России, 2023. URL: https://www.cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/
11. Особенности инфляции в России // Вестник университета. 2023. № 4. С. 82–89.
12. Инфляция спроса и издержек в современной российской экономике: сравнительный анализ // Журнал экономической теории. 2022. № 3. С. 144–158.
13. Применение ключевой ставки и коммуникации как инструментов денежно-кредитной политики // Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов. М.: Банк России, 2023.
14. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Индексы потребительских цен на товары и услуги. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 01.03.2024).
15. Банк России. Информационное сообщение по итогу заседания Совета директоров по ключевой ставке. Серия пресс-релизов, июль–декабрь 2023. URL: <https://www.cbr.ru/press/keypr/>
16. Декабрь 2023. М.: Банк России, 2023. 124 с.
17. Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов. М.: Банк России, 2023.

REFERENCES

1. Perevyshin Yu. N., Trunin P. V. Monetary policy and inflation in early 2023. Russian Economic Development, 2023, vol. 30, no. 3, pp. 8–13. (In Russ.)
2. Shirov A. A., Moiseev A. K., Gusev M. S. Price dynamics formation in Russia amid the acceleration of global inflation. ECO Journal, 2022, vol. 52, no. 4, pp. 94–112. (In Russ.)
3. Perevyshin Yu. N., Trunin P. V. Inflation acceleration will require a high key rate in 2023–2024. Russian Economic Development, 2023, vol. 30, no. 12, pp. 5–11. (In Russ.)
4. Ilyashenko V. V., Kuklina L. N. Inflation in modern Russia: theoretical foundations, characteristics and regional dimension. Economy of Region, 2017, vol. 13, no. 2, pp. 431–444. (In Russ.)
5. Assessment of the inflationary expectations of the Russian population based on Internet search queries: a top-down approach. Voprosy Ekonomiki, 2022, no. 8, pp. 57–76. (In Russ.)
6. Perevyshin Yu. N., Trunin P. V. Realized inflationary risks led to a significant increase in the key rate. Russian Economic Development, 2023, vol. 30, no. 11, pp. 4–9. (In Russ.)
7. Shirov A. A. Russian economy: changing growth factors. Studies on Russian Economic Development, 2025, no. 6, pp. 3–18. (In Russ.)
8. Shirov A. A., Moiseev A. K. Opportunities and constraints for the development of the Russian economy under conditions of active budget spending. ECO Journal, 2024, vol. 54, no. 2, pp. 8–27. (In Russ.)
9. Peculiarities of inflationary processes in the Russian economy in 2023. Regional Problems of Transforming the Economy, 2024, no. 3, pp. 112–120. (In Russ.)
10. Bank of Russia. Inflation expectations: research methodology and observation results. Moscow: Bank of Russia, 2023. Available at: https://www.cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/ (Accessed: March 1, 2024). (In Russ.)
11. Features of inflation in Russia. University Bulletin, 2023, no. 4, pp. 82–89. (In Russ.)
12. Demand-pull and cost-push inflation in the modern Russian economy: a comparative analysis. Journal of Economic Theory, 2022, no. 3, pp. 144–158. (In Russ.)
13. Application of the key rate and communication as monetary policy instruments. In: Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2024 and the period 2025–2026. Moscow: Bank of Russia, 2023. (In Russ.)
14. Federal State Statistics Service (Rosstat). Consumer price indices for goods and services. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (Accessed: March 1, 2024). (In Russ.)
15. Bank of Russia. Press releases on the key rate decisions of the Board of Directors, July–December 2023. Available at: <https://www.cbr.ru/press/keypr/> (In Russ.)
16. Bank of Russia. Monetary Policy Report, no. 4, December 2023. Moscow: Bank of Russia, 2023, 124 p. (In Russ.)
17. Bank of Russia. Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2024 and the period 2025–2026. Moscow: Bank of Russia, 2023. (In Russ.)

Информация об авторе

Яковенко Дмитрий Анатольевич

НОЧУ ВО «Московский экономический институт»; E-mail: cafmo@yandex.ru

Information about the author

Yakovenko Dmitry Anatolievich

Moscow Economic Institute; E-mail: cafmo@yandex.ru